

Он говорил чётко, с безмятежным, строгим и отрешённым выражением лица. Каждое его слово, пусть и не громкое, потрясло Императорский город, и все собравшиеся внутри и снаружи стен прислушались:

— Цинь Сэнь! Ты незаслуженно носишь звание выдающегося и преданного министра целого поколения. Покойный император доверил тебе опекать и поддерживать нынешнего государя. Однако ты обратил это священное доверие в поступки хищного зверя, что рядется в шкуру овцы. Ты присвоил императорскую милость ради собственной выгоды, погряз в корысти и должностных преступлениях...

Его голос слегка затих. В этот момент по императорской мостовой перед дворцом проскакали на конях несколько судебных приставов суда Дали. Их предводитель соскочил с седла и обеими руками преподнес свиток, завернутый в плотную промасленную ткань.

Ло Аошэн правой рукой принял стопку свитков, долговых расписок и земельных контрактов. Бросив на них быстрый взгляд, он приподнял их в руке и громко произвёл:

— Цинь Сэнь, ты зарился на плодородные земли и творил великие злодеяния ради выгоды. Все вещественные доказательства твоих взяток были найдены при обыске в кабинете твоего резиденции-посольства. Ныне всё это находится в моих руках. Помимо этого, простолюдин Чэнь Лэ и другие подали на тебя иски об угрозах и насильственном отъёме земель, и все они также хранятся в суде Дали. Тебе предстоит держать ответ и оправдываться, что ты ещё можешь сказать?!

Ло Аошэн сложил руки в приветствии, обращаясь к небу, и продолжил:

— В древности при нашей династии жил Куан Хэн, что занимал пост одного из трех гун, ведал государственными счетами и при этом самовольно захватывал земли. Находясь в высочайшем ранге одного из трех гун, призванных помогать в управлении государственными делами, Куан Хэн обманывал вышестоящих и вводил в заблуждение окружные отчёты. На его счету числилось более тысячи ши незаконно присвоенной с арендаторов зерновой дани. После того как дело было расследовано и последовало наказание, его признали виновным в хищении имущества, вверенного под стражу, лишили званий и обратили в простолюдинов. Был также в прежние времена Тянь Яньнянь, что первоначально носил титул хоу Янчэна, а затем был наделен высочайшим доверием великого министра финансов и ведал важнейшими государственными средствами. Он творил великие беззакония ради выгоды, а сумма его взяток достигла тридцати миллионов цзяней, из-за чего он в конце концов покончил с собой, страшась возмездия.

Во все времена наша династия карала коррупционеров и взяточников, захватывавших земли, с суровой беспощадностью. Даже будь кто-то министром или ваном, стоило делу всплыть наружу, как следовали отстранение от должности, лишение жизни, конфискация уделов и заключение в тюрьму.

— Если ты сейчас отправишься на колени просить императора о снисхождении и мягком

наказании, то ещё сможешь сохранить себе жизнь. Или ты всё ещё намерен упорствовать в заблуждении?!

Эти слова звучали так, будто человека загоняли в безвыходный тупик. Все присутствующие, ошеломлённые, с раскрытыми ртами и остекленевшими от глупого изумления лицами, смотрели на правого канцлера Цинь Сэня, стоявшего на стене Запретного города, гадая, как же он сможет смыть с себя этот обрушившийся шквалом обвинений удар главы суда Дали.

Лицо Цинь Сэня страшно исказилось, его всего колотило. Сквозь стиснутые зубы он выдавил:

— Ты... ты смеешь клеветать на преданного министра...

Ло Аошэн продолжил:

— Твои супруги и дочери, ученики и советники, а также твой молодой господин уже препровождены в суд Дали под стражу до допроса, и их показания вот-вот будут получены. Неужели канцлер Цинь желает дожидаться этих показаний здесь, в Императорском городе?

Цинь Сэнь стоял не шевелясь, словно вылепленный из грязи и вырезанный из дерева. Зубы его стучали, и он цедило слово за словом:

— Ло Аошэн, ты изрыгаешь кровь на людей! Ты разграбил мой дом, устроил заговор и подставил меня! Я пойду к императору и добьюсь твоей казни!

В этот момент Императорская гвардия и стражники суда Дали под стенами дворца дружно взметнули клинки и закричали:

— Цинь Сэнь, ты, замышляющий измену коррупционер, до каких пор ты не станешь признавать свою вину?!

Все взгляды были прикованы к багровому от гнева правому канцлеру, и никто не мог понять, что и чувствовать-то при этом.

Поправый канцлер в растерянности простоял добрую половину дня, после чего наконец развернулся, оттолкнул стоявших рядом слуг и, спотыкаясь, побежал вниз с крепостной башни.

Ло Аошэн указал пальцем на городскую стену и зчным голосом отдал приказ:

— Слушайте все на стене: Цинь Сэнь совершил должностные преступления и погряз в корысти, нарушив законы династии. Я, Ло Аошэн, являюсь судебным чиновником нашего двора и на основании законов Хань арестовываю Цинь Сэня, и никто не смеет чинить препятствия!

Командир стражи Приказа императорских экипажей у городских ворот Ван Синь попытался было преградить им путь, но тюремщик из этого ведомства выскочил из-за спины главы суда Дали и, не дав тому даже раскрыть рот в изумленном крике, вонзил клинок прямо в грудь Ван Синя. Ван Синь не успел издать ни звука и испустил дух прямо у дворцовых ворот.

Это и называется — сломить боевой дух с первого удара. Сперва одержать верх силой справедливости, затем одним ударом прикончить первого же выскочку, и тогда боевой пыл остальных к убийствам и беззаконию неизбежно угаснет.

У дворцовых ворот мгновенно воцарился хаос. Солдаты Приказа императорских экипажей воочию увидели, как канцлер спасается бегством, а командир стражи мертв — словно половина огромного дерева рухнула. Души у всех улетели за пределы тел: за исключением нескольких безрассудных негодяев, которые всё ещё бросались вперед, отчаянно и яростно сражаясь, остальные разразились дикими криками, и толпа рассеялась больше чем наполовину.

Золотые карнизы и красные стены, алые дворцовые ворота плотно закрыты, позолоченные медные шляпки гвоздей отражают зловещий блеск факелов и холодного оружия. Звон скрестившихся мечей не смолкал ни на секунду, вблизи Императорского города творилось полное безумие. Воины Императорской гвардии под началом у воеводы, покоряющего запад, и судебные приставы суда Дали принялись наперебой таранить дворцовые ворота бревнами из желтого дерева, пытаясь силой проломить барьер Запретного дворца.

Несколько приближенных стражников, охранявших канцлера Циня, спотыкаясь, бежали вниз с крепостной башни. В этот самый момент несколько слуг, напротив, окружив какого-то человека, протискивались сквозь людской поток наверх, к городской стене. Тот человек был одет в золотое халат-платье, подпоясан нефритовым поясом, а лицом отличался необычайно красивым — это был не кто иной, как молодой господин Цинь, прискакавший с вестью на коне.

Громко рыдая и причитая об отце, молодой господин Цинь побежал наверх. Охрана вокруг канцлера Циня на вершине стены торопливо расступилась, давая дорогу. Молодой господин Цинь, с лицом, полным пыли, и растрепанными волосами, бросился на грудь канцлера Циня и завыл в голос. Правый канцлер поспешно произнес:

— Пойдите, я пойду к императору за императорским указом и велю казнить этого Ло Аошэна!

Но вдруг его взгляд стал подозрительным и странным, и он спросил:

— Эй, да ты же не... Цай...

Одетый в золотой халат молодой господин Цинь опешил и неловко усмехнулся:

— Ой, прошу прощения. Я не молодой господин Цинь, я — Цай Вансунь.

В этот миг из-за его спины внезапно выскочил стражник — это был не кто иной, как правый помощник главы суда Дали. Держа в руке длинный меч, он наотмашь вонзил его прямо в спину Цинь Сэню, холодно и зловеще бросив:

— Смутьяна и мятежника дозволено предать смерти каждому! За что перед ним извиняться?!

Этот удар пришелся на совесть — прямо в грудь. Цинь Сэнь тут же получил тяжелейшее ранение.

Левой рукой правый помощник главы суда Дали схватил Цинь Сэня за плечо, а правой выдернул клинок из его тела. Цинь Сэнь обладал крепким и мощным телосложением, и теперь его целиком завалило вперед, на зубцы крепостной стены. Несколько охранников не успели его удержать, и он головой вниз полетел со стены прямо наружу, рухнув аккуратно у главных ворот снаружи крепости.

Цинь Сэню разmozжило череп, и он скончался на месте.

Эта внезапная перемена потрясла всех до глубины души, лишив дара речи. Внутри и снаружи алых стен и багряных ворот Императорского города поднялся невообразимый шум.

Когда в войне терпишь поражение, оно лавиной катится с гор. Остановить бегущее войско не было никакой возможности.

Дворцовые ворота распахнулись настежь, и императорские войска снаружи отважно рванули вперед, совместными усилиями толкая огромные, высотой в несколько чжанов алые створки.

В Императорском городе воцарился великий переполох. Поражение катилось с гор лавиной, и вся затяжная мрачная хмарь над Императорским городом рассеялась в одно мгновение.

Ворота были взломаны совместными усилиями нескольких человек. Солдаты Императорской гвардии хлынули внутрь потоком. Ло Аошэн вместе со всеми вошел через главные ворота Императорского города. Внутри Запретного города лежали глубокие пустынные дворы. Заросшие запустением сады уже давно не видели ухода, разбитые белые нефритовые ворота зияли отовсюду — кругом царило увядание и запустение. Посреди ночной тьмы евнухи и дворцовые служанки в панике метались туда-сюда по императорскому двору, совершенно растерянные, с лицами, выражавшими неминуемое приближение страшной беды.

Ло Аошэн шел впереди всех, первым переступив порог Чунлудянь — спального покоя императора в глубине дворцовых зал. Императрица ЦАО Цзе в спешке выбежала из залы, опустилась на колени у подножия ступеней и признала свою вину. Внутри залы можно было смутно разглядеть императора, лежащего вытянувшись на ложе; заполнявшие просторный зал многочисленные придворные лекари, наложницы и служанки непрерывно рыдали, стоя на коленях.

Императрица ЦАО Цзе, стоя на коленях, провозгласила:

— Болезнь императора тяжелеет с каждым часом, он может скончаться в любой момент и уже несколько дней как находится без сознания. На мне лежит великая вина.

Ло Аошэн торопливо шагнул вперед и помог императрице подняться:

— В этот критический момент императрица оказала упорное сопротивление канцлеру, спасши дом Хань от смертельной опасности. У вас есть лишь заслуги, и нет никакой вины.

Императрица со слезами на глазах промолвила:

— Весь род ЦАО ради собственной выгоды замыслил зло против наследного принца, а ЦАО Цзе оказалась бессильна защитить жизнь наследника, оборвав династию Лю. Мою великую вину невозможно искупить.

Ло Аошэн покачал головой и ничего не ответил. Он приказал привести из войска Чжоу Фу. Придерживая Чжоу Фу за плечо, он сказал императрице:

— Прошу императрицу взглянуть непредвзято, этот... Чжоу...

В этот самый момент от дворцовых ворот вдруг донеслись дружные крики и гул голосов. Все находившиеся в зале Чунлудянь синхронно обернулись. Сердце Ло Аошэна сжалось — он интуитивно почувствовал неладное, и его лицо мгновенно стало абсолютно бесстрастным.

Половина дворцовых ворот была обрушена, и из-за обломков внезапно выскочил быстрый конь, словно порыв ветра промчавшись сквозь проем крепостной стены. В тот же миг все солдаты и слуги во дворце вскинули руки и дружно закричали:

— Его высочество наследный принц вернулся во дворец!

Алые ворота распахнулись, и какой-то человек единым прыжком соскочил со спины коня. Этот человек был высок и строен, а его черные, как тушь, брови и глаза казались сошедшими с картины. На нем была золотая диадема и черное придворное одеяние. Длинные распущенные волосы развевались назад под напором ветра. От этого человека исходило ослепительное сияние и живость, казалось, даже капли дождя на небе разлетались в стороны от поднимаемого им ветра! Этим человеком оказался не кто иной, как нынешний наследный принц Лю Юби.

Пережив череду мытарств, он в этот самый миг примчался обратно в Императорский город.

Ло Аошэн стоял посреди двора и, глядя на бегущего к нему наследного принца, намертво

проглотил оставшуюся половину фразы. Лицо его сделалось бледным, как стекло, и он не мог произнести ни слова.

Как же вовремя он явился, просто невероятно.

Прибудь он на мгновение раньше — толку бы не было, опоздай хоть на минуту — не было бы заслуги.

У этого Лю Юби поистине счастливая судьба! Удачливое везение! Счастливейший час!

Как небеса могли настолько помогать ему? Защищать его? Благоволить ему?!

Лю Юби сохранял полное самообладание посреди хаоса. Под громогласные приветственные крики всех дворцовых войск он опустился на колени на внутреннем дворе перед входом в залу. Подбежав к императрице ЦАО Цзе, он громко произнес:

— Матушка-императрица, вы натерпелись страху! Юй-эр вернулся!

Императрица, вся в слезах, опустилась на колени и отвесила ему глубокий поклон. Рыдая, она проговорила:

— Предательство рода ЦАО против Вашего Высочества произошло целиком по моей вине. ЦАО Цзе была бессильна помешать и едва не погубила жизнь наследного принца! Прошу, покарайте меня смертной казнью!

Лю Юби протянул руку, поднимая ее, и громко обратился к переполнившим залу людям:

— Императрица оказала мне великую милость воспитания, а мятежник ЦАО Дэ понес наказание за собственные злодеяния, что не касается всего рода. К тому же ЦАО Дэ уже мертв, и я освобождаю его сородичей от наказания за соучастие. Императрица не виновна. Все те, кто защищал государя сегодня, — их прошлые прегрешения прощаются. Более того, все они будут щедро награждены!

Услышав слова наследного принца, люди в зале разразились радостными криками, их лица просветлели. Тут же все до единого опустились на колени, благодаря за милость. Если бы Фэн-ди не находился при смерти, но был еще жив, то эти приветственные возгласы с пожеланиями долголетия новому господину наверняка сотрясли бы своды дворца Луаньдянь.

Всю дорогу сердце Лю Юби висело на самом горле — его нельзя было ни выплюнуть, ни проглотить. Не смея расслабиться ни на секунду, он гнал коня во весь опор, охваченный смертельной тревогой, и стремглав мчался обратно в Чанъань. И только в это мгновение буря в его сердце наконец улеглась и осела пыль.

ЦАО Дэ мертв, Цинь Сэнь мертв, Фэн-ди при смерти — эта Поднебесная оказалась у него на ладони, и его сердце наконец надежно и спокойно вернулось на свое место.

Переполненный радостью, он обернулся и, окликнув какого-то человека, со смехом произнес:

— Чжоу Вэйчжуан, теперь-то ты воочию убедился? И эта страна, и ты — всё находится в моих руках. В этом мире — для вас есть лишь путь жизни, и никакого пути к смерти!

Как только эти слова сорвались с уст, все четверо присутствующих замерли от неожиданности.

Ло Аошэн внезапно напряг все силы своего тела и резко повернул голову назад.

У дверей залы. Великий полководец Пэй Лян шел сюда, поддерживая за руку какого-то человека. Тот человек за пределами многосложных глубоких зал, под дождем и в свете фонарей, смутно и зыбко покачивался на ветру, словно тень. Его лицо было мертвенно-бледным, губы лишены красок, одежда — тонка и легка, и весь он, колеблясь в дрожащем пламени светильников и завесе дождевых струй, пугающе напоминал призрака, а не живого человека из мира сего.

Пришедшим оказался не кто иной, как Чжоу Вэйчжуан.

В один миг все силы и энергия до последнего капли покинули тело Ло Аошэна. На долю секунды он с ужасом осознал, что вовсе не узнает этого человека. Он не удержался и, собрав остатки душевных сил, в упор уставился на него!

Как он вернулся? Что произошло?

— Не прошло и нескольких дней, а кажется, будто минула целая жизнь?!

Ло Аошэн помимо своей воли впился глазами в лицо Чжоу Вэйчжуана, разглядывая его со всей тщательностью.

Чжуан Цзянь не поднимал головы. Хотя он и не смотрел на Ло Аошэна, от этого пронзающего, словно игла или шило, взгляда его всего трясло от ужаса и страха.

— Мы ведь всего лишь были сослуживцами в одной палате, отчего же душа трепещет в таком страхе?!

Чжуан Цзянь так и не поднял глаз, проходя мимо него. Ло Аошэн молчал добрую половину мгновения, пока ци и кровь в его груди слегка не унялись, а на губах и лице не проступил слабый румянец. Лица порой не меняются, но буря в сердце клоочет и бурлит. На лице сохраняется безмятежная весна, а в душе водопад обрушивается прямо с девяти небес.

К чему выставлать напоказ маленькие чувства и слабости, давая пищу для насмешек и веселья другим?

Наследный принц Лю Юби подошел ближе и лично набросил на плечи Ло Аошэна свое придворное одеяние, защищая от дождя. С улыбкой на лице он произнес:

— Почтенный Ло, вы совершили подвиг основания государства и установления новой эпохи. Вся эта Поднебесная, должности великого сына и канцлера — всё это будет учреждено для вас. Какую бы награду вы ни пожелали, я исполню любое ваше желание!

Ло Аошэн взял себя в руки и принял окончательное решение. Он поднял голову и отвесил глубокий поклон до самой земли, а его чистый и звонкий голос не выражал ни гордыни, ни унижения:

— Благодарю Вашего Высочества за милость и награду. Ло Аошэн лишь исполняет свой долг и не смеет проявлять небрежение. Сегодня благодаря помощи небес дело о хищении земель Цинь Сэнем было раскрыто. Кроме того, ранее Ло Аошэн допустил упущения в расследовании дел и проявил корысть, в связи с чем я должен принести Вашему Высочеству повинную.

Лю Юби опешил, и улыбка застыла на его лице:

— Говорите, господин Ло.

Ло Аошэн поднял глаза и с мрачным, тяжелым предчувствием окинул взглядом присутствующих. Его лицо не дрогнуло, сердце не затрепетало, а голос зазвучал звонко, подобно бронзовому колоколу. Все министры, полководцы, императрица, наследный принц, наложницы, солдаты и судебные приставы — все в залы разом устремили свои взоры на него.

Каждый наострил уши и смотрел во все глаза!

Чжуан Цзянь в единый миг резко вскинул голову и в упор уставился на Ло Аошэна, а лицо его сделалось цветом с желтой глиной. Он глядел на Ло Аошэна, не веря тому, что слышал и видел собственными глазами и ушами!

Ло Аошэн бесстрастно произнес:

— Наследный принц ранее поручил вашему покорному слуге разыскать подозреваемого по старому делу об убийстве князя Сяна — Чжуан Цзяня. Ваш покорный слуга провел полное расследование и установил результаты. Год назад этот человек по имени Чжуан Цзянь находился под покровительством бывшего канцлера Чжоу Фу. После смерти Чжоу Фу он выдал себя за его младшего сына и поступил на службу ко двору, дослужившись до первого ранг-чина главы Тайного приказа, наследного титула Цзиньго-гуна, а также должности наставника наследного принца. Ныне имеются неопровержимые доказательства, и он не сможет

отпереться.

Глава суда Дали отдал приказ:

— Стража, схватить преступника Чжуан Цзяня, выдававшего себя за Цзиньго-гуна, и бросить в тюрьму суда Дали!

Судебные приставы и солдаты суда Дали, услышав приказ главы суда, отреагировали словно на священный императорский указ и в один голос ответили: «Есть!». Четверо стражников бросились вперед, скрутили Чжуан Цзяня, связали его и, зажав посредине, без лишних слов потащили к выходу из залы.

Во всей огромной зале воцарилась мертвая тишина, похожая на ночной кошмар.

Во рту у Чжуан Цзяня пересохло, и ни единый звук не мог прорваться сквозь горло. Рот был широко раскрыт, но слов не находилось, глаза вылезли из орбит, но слез не было.

Он во все глаза смотрел на Ло Аошэна, его тело и душа онемели, превратившись в глиняно-деревянного идола. Тюремщики выволокли его тело, оторвав ноги от земли, и потащили к выходу из залы. Он все еще поворачивал голову, тупо и неподвижно уставившись на Ло Аошэна, словно не веря в происходящую реальность. Всё его тело окоченело, его несли на руках, а голова продолжала поворачиваться назад, глядя в сторону Ло Аошэна, и не издавала ни звука. Пока его не вытащили за дворцовые ворота и не завернули за стену, пока он совсем не скрылся из виду...

Ло Аошэн смотрел прямо перед собой и холодно усмехнулся, обращаясь к Лю Юби:

— Ваш покорный слуга совершил преступление должностного произвола и незаконности, тайком затаив эгоистичное желание потворствовать преступнику и отпустить его. Прошу наследного принца поступить со мной по своему усмотрению.

Он прищурился и поднял взгляд к небу: вдали небосвет светлел, а дождь припускал всё сильнее. Тонкие струйки ледяной воды стекали по его лицу, и капли казались не холодными, а обжигающе горячими.

— Чжуан Цзянь — это и есть Чжоу Вэйчжуан, а Чжоу Вэйчжуан — это и есть Чжуан Цзянь. — Эта фраза не посрамит высочайшего доверия наследного принца и, к счастью, не посрамит и двух священных слов судебного чиновника: справедливость и прямота.

Лю Юби смотрел на него, внезапно ощущая, как дождь вокруг них в залы начинает лить всё сильнее.

Основатель династий Хань отменил жестокие законы Цинь, оставив всего три статьи.

И первой из них было:

— Убивший человека подлежит смерти.

Пусть никто не думает, что его дела сокрыты от духов и божеств, разве ведали они, что небесные законы не прощают ошибок, а роковую судьбу невозможно избежать?

С того самого дня, как в Сяньян вспыхнул мятеж и пришла беда, минуло немало месяцев и лет. Чжуан Цзянь не раз представлял себе, настанет ли тот день, когда его бросят в глубокую темницу, где он испьет до дна чашу жестоких пыток и истязаний, искупая безрассудные грехи своей юности. Всякий раз, когда он думал об этом, его охватывал такой страх, что не находилось покоя ни днем, ни ночью.

И вот этот день бедствия настал.

Чжуан Цзянь вдруг прозрел.

Как бы ни был он умен, изящен и талантлив в летописании, как бы быстро ни схватывал суть вещей и ни обладал проницательным умом. Сколь ни были бы сильны его природные задатки и сколь высок его интеллект, сколь ни блестал он остроумием и слогом, льющимся подобно водопаду, в конце концов он увязнет в мирской суете, оправдав те самые два слова — возмездие.

Человек, который больше всего боялся смерти, оказался заперт в тюрьме; человек, который предавался страстям, был предан жестокосердием. Какая же это поистине тончайшая и изощренная ирония человеческого бытия!

Глубокой ночью в тяжелой темнице стоял холод, подобный воде. Зима постепенно отступала, и за одну ночь сухие деревья и новая трава наполнились толстым слоем белого инея. Весенние холода наступали по всем фронтам, и во всей Чанъани царил унылый и увядающий пейзаж.

За одну ночь обстановка и силы в Чанъани перевернулись с ног на голову.

Чиновники гражданских и военных ведомств, простой народ — все проснулись в одно прекрасное утро и обнаружили, что небеса перевернулись, а облик мира совершенно изменился. Болезнь Фэн-ди не привела к худшему, и наследный принц Лю Юби спешно вернулся в Чанъань, чтобы взять на себя управление государственными делами. Великий сыма ЦАО Дэ, пытавшийся отравить наследного принца, был уничтожен стоящим в Лояне гарнизоном под предводительством Пэй Ляна. Правый канцлер Цинь Сэнь из-за дела о захвате земель, ставшего достоянием гласности, был обвинен простолюдинами и уличен судом Дали, после чего был вынужден покончить с собой, страшась возмездия, и сложил голову в

Императорском городе. Судебный чиновник суда Дали Ло Аошэн принес повинную голову, признал себя виновным в злоупотреблении властью и нарушении законов и попросил государя принять его отставку. А обманщик, выдававший себя за Цзиньго-гуна и наставника наследного принца, после разоблачения правды угодил за решетку. Еще более поразительным оказалось то, что этот самозванный Цзиньго-гун и наставник наследного принца был потомком того самого опального цензора Чжуана, поднявшего мятеж против властей в Сяньяне годы назад.

Все эти некогда всемогущие знатные роды, столпы государства, царедворцы и воеводы один за другим потерпели крушение. Тех, кого постигла суровая кара, ждали плаха и гибель всего рода, а отделавшихся легче — позор имени и тяжелое бремя унижения. Эта трагическая развязка поколебала самый небесный свод Хань, вызвала непрекращающиеся бурные толки на улицах и переулках, потрясла весь благородный мир цзянху и необъятную Поднебесную.

А то, что учитель наследного принца, Цзиньго-гун, глава Тайного приказа и наставник наследного принца Чжоу Вэйчжуан за преступление самозванства угодил в тюрьму и оказался в глубоких застенках, и вовсе повергло в шок всю столицу.

На следующий день уже подступала раннее весна, но зимний холод проникал в переулки и дворцовые чертоги, знаменуя собой зябкую ранневесеннюю прохладу.

Снаружи тяжелой темницы суда Дали ровными рядами выстроились развевающиеся знамена. Небосвод сплошь посерел и тяжелой тучей давил на горизонт, чернея словно запутанный лабиринт.

В последние дни перед тюрьмой стояла тишина, подобная застывшей грязи, в то время как при дворе бушевало бурное море. Бесчисленные тончайшие нити и связи сошлись в одном узелке — в той уединенной тяжелой темнице суда Дали на окраине города Чанъань.

Одинокая луна висела в небесном своде.

В Чанъани было всего две тюрьмы. Местные ведомства уровня областей и уездов также располагали собственными тюрьмами.

Чанъань же, будучи столичным городом государства, располагал лишь тюрьмой Чанъани (тюрьмой чанъаньской управы и уезда) и тюрьмой Тинвэй (тюрьмой суда Дали). При этом тюрьма суда Дали делилась на множество отдельных застенков. Там имелись тюрьма Жолу, специально предназначенная для содержания высокопоставленных чиновников и членов императорской семьи, тюрьмы правого и левого ведомств Сыкун, тюрьма Шанлинь, тюрьма Дучуань, тюрьма внутренних чиновников и другие.

Тюрьма издавна являлась самым грязным и мрачным местом в Поднебесной. И хотя законы всех династий строго запрещали всевозможные вымогательства, дурные привычки было трудно искоренить, а суровые запреты не действовали — в темницах по-прежнему процветали вымогательства взяток, жестокие пытки, фабрикация ложных обвинений, содержание под стражей невиновных, доведение заключенных до смерти пытками и их незаконные казни, и всё

это повторялось вновь и вновь, несмотря на запреты.

Во многих областях и уездах имелись тяжелые темницы, а местные наместники совмещали функции судей и вершителей судеб, из-за чего в местах, куда не доставала рука суда Дали, постоянно случались злоупотребления наказаниями.

Глава суда Дали отдал приказ бросить преступника Чжуан Цзяня, выдававшего себя за Цзиньго-гуна, в тюрьму суда Дали (тюрьму Тинвэй). Эта мрачная темница была той самой, куда Чжуан Цзянь некогда вместе с Ло Аошэном спускался, чтобы вывести Сылана. С момента заключения в тюрьму Чжуан Цзяня содержали в одиночной камере, строго запретив посторонним видаться с ним. Начальник тюрьмы, тюремные смотрители и исполнители за последние два дня не покидали пределов судебного застенка ни на шаг. Личность Чжуан Цзяня была особой, а суть дела — неясной; он был напрямую связан со старым делом об убийстве князя Сяна десятилетней давности, и его жизнь весила больше горы Тай. Случись с ним какое-то непредвиденное происшествие, и никто из находившихся в этой тюрьме, пожалуй, не смог бы избежать ответственности. Судебный чиновник суда Дали Ло Аошэн отдал приказ осуществлять за ним строжайший надзор, однако тюремные стражники и чиновники никто не смел чинить ему препятствия.

<http://bllate.org/book/21149/2144291>